

ЛИЛИЯ КАНДЫБОВИЧ

**ПАПА
ВЕРНЁТСЯ.**

Лёва



Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2023

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

Лёва лежал на небольшом полотенце, раскинув руки, и рассматривал облака. Тёплый ветер приятно обдувал лицо, а трава щекотала пятки. В детском саду это называлось «принимать воздушные ванны». Как ванна может быть воздушной? Лёва точно знал, что в ванну наливают воду. А тут дети лежат, как огурцы на грядках, и переворачиваются по команде медсестры Янины Станиславовны.

— Повернулись на живот! — скомандовала она. — Вот вернётесь домой в Минск, родители увидят, какие вы загорелые и здоровые!

На животе лежать куда интересней. Можно играть с машинкой, которую папа подарил. Ни у кого нет такой быстрой машины!

— Эй, Лёвка, смотри, чего у меня есть, — прошептал Генка и показал Лёве свисток. — Давай меняться!

Лёва взял в руки металлический цилиндрок, покрутил, понюхал. Свисток был что надо — большой, блестящий, с дужкой на одном конце и горошиной, выглядывавшей в узком окошечке. Он был совсем настоящий. Как у судьи на футбольном матче. Но машинку было жалко.

— Зачем он мне? — Лёва сделал равнодушное лицо.

— Как зачем? Ночью будешь свистеть, если потеряешься. Правда-правда!

— А тут ночи нет! Как мы с садиком на дачу приехали, так и нет ночи!



HIKA

Лёва и Гена переглянулись. Как можно бить бабу Зину? Она же готовит самые вкусные пироги и запеканку и всегда даёт добавку. И тут заведующая произнесла самое страшное слово.

— Война! Но нечего панику разводить, — говорила она строгим голосом. — Скоро погонит немцев Красная армия. И война кончится. А мы должны детей сбереечь. И отставить слёзы.

В свои семь лет Лёва уже понимал, что война — это страшно. Он слышал, как о войне говорили взрослые. К войне готовились, но всё же не верили, что это случится. А ещё папа сказал, что всё будет хорошо и бояться не нужно. Или он просто успокаивал?

Дети, столпившиеся возле окон, молчали. Они были похожи на стайку перепуганных воробушков, такие же взъерошенные после сна. В наступившей тишине раздался всхлип Люды Малининой.

— Я хочу к маме. — И Люда заплакала.

Тут же начали плакать и другие девочки.

— Хватит реветь, — сказал Лёва каким-то взрослым голосом. — Слышали, что заведующая сказала? Скоро прогонят врагов обратно.

— Я к маме хочу и к сестрёнке. Она в лагере, — плакала пятилетняя Таня. — Ма-а-ма-а-а!

— У меня тоже сестра в лагере, но я же не плачу. — Лёва попытался успокоить девочку, хотя у самого дрожали губы и щипало в носу. — А мамы за нами скоро приедут. Вот увидишь!

В спальню вошла воспитательница. Девочки с рёвом бросились к ней. Старшие мальчишки с влажными глазами стояли чуть в стороне и изо всех сил старались казаться взрослыми.

— Ну, чего вы? — Нина Васильевна гладила перепуганных детей по стриженным макушкам и разломатившимся косичкам. Она была такая тёплая, домашняя.

— Вы чего ревете? — раздался голос Юры. Он сидел на кровати, тёр заспанные глаза и не понимал, что происходит.

— Война началась, Юрик. — Нина Васильевна ответила так спокойно и буднично, словно ничего страшного не случилось. Только глаза у неё были потухшие.

— Ух ты! Настоящая?

— Да. Но всё будет хорошо. Мы победим врага, ведь Красная армия самая сильная! Кто помнит, как мы стихи про армию читали? Кто расскажет?

— А почему баба Зина так кричала?

Воспитательница опала лицом:

— У неё сын на границе служит. В Бресте.

ЭВАКУАЦИЯ

На следующее утро детям казалось, что это был только сон: война, причитающая баба Зина, плачущие воспитатели.

Заведующая Мария Петровна и завхоз дядя Митя ушли в посёлок. В тот день дети не делали зарядку и не принимали воздушные ванны. Малыши, как обычно, бегали во дворе, лепили куличики в песочнице и ссорились, кому качаться на качелях.

Старшие девочки расположились возле цветника и играли в дочки-матери, готовили кукольную еду из

цветов и листочков. А мальчишки носились по двору, размахивая самодельными деревянными мечами.

За беседкой устроились трое друзей. Лёва Карпович жевал толстую соломинку. Он считал себя взрослым, ведь ему ещё зимой исполнилось семь. Оттопыренные уши придавали ему добродушный и немного наивный вид, а прищуренный взгляд выдавал заводицу. Суетливый и непоседливый Генка Мальцев всегда был готов поддержать друга. Характер у него был таким же ершистым, как и волосы, торчавшие на макушке упрямым хохолком. У Генки недавно выпал передний зуб, и он научился мастерски плевать через дырку. Совсем как взрослый. Юра Бусел ему страшно завидовал. Он даже тайком стал раскачивать зуб, чтобы тоже научиться так плевать. Он был самым младшим, но в шалостях не уступал друзьям. За пухлые щёки с ямочками его прозвали Пончик.

— Знаете что? — Генка наклонил вихрастую голову и с загадочным видом продолжил: — Мы должны помочь Красной армии. Правда-правда!

— Скажешь тоже! Кто тебя в армию возьмёт! — засомневался Юра.

— Это тебя не возьмут, мал ещё, — обиделся Генка. — А мы осенью в школу пойдём. Правда-правда!

— А что? Точно! — загорелся Лёва. — Помните, нам читали книжку. Там, когда и отцы на фронт ушли, и братья ушли, мальчишки всех врагов поубивали. И мы сможем.

— Да ты как увидишь фашиста, так струсишь! — Юра не мог согласиться, что его не возьмут в армию, а друзей возьмут.

— Это я-то струшу? Ещё чего! Я ка-а-ак... — Лёва вскочил и с размаху ударил палкой по кусту шиповника.

— Это же всё равно ничьё. Потом посмотрю, как он устроен.

Неожиданно над дорогой появились самолёты. Низко-низко, едва не касаясь верхушек деревьев, неслись они над землёй, посыпая её пулями.

Толпа взорвалась криками. Люди бросились врассыпную. Из остановившегося грузовика выскакивали бойцы и тоже бежали к лесу.

— В лес, скорее все в лес! — кричали воспитатели.

Перепуганные дети разбежались в разные стороны. Гул самолётов ввинчивался в детские головки, проникал в самое сердце, наполняя его ужасом. Казалось, детские крики заглушали рёв самолётов.

Лёва и Генка уже добежали до ближайшего дерева и плюхнулись в траву. А Юра всё ещё в оцепенении стоял на дороге и смотрел на приближающийся самолёт. Его чёрные кудряшки развевались на ветру. Теньканье пуль раздавалось совсем близко. Пробегавший рядом красноармеец толкнул мальчика в спину и, навалившись, придавил к земле.

В это мгновенье в небе появился ещё один самолёт.

Задрав головы, Лёва и Генка гадали: наш или не наш.

— Ещё один гад прилетел!

— Это же наш сталинский сокол!

— Точно! Вон красные звёзды на крыльях.







Взрывы наконец смолкли. Дети понемногу ожились. Снова зашумели, загомонили. Каждый искал себе какое-то развлечение. Таня достала крохотную куколку, сшитую из лоскутков, и девочки стали укладывать её спать. Гошка вытащил из кармана жука-усача, а Генка машинку, которую недавно выменял у Лёвы.

— Твой жук — ерунда! Машинка лучше! Она быстрее!

— Вот ещё! — удивился Гошка. — Мой жук, если бы стал ростом с машину, знаешь, как бегал бы! Враз твою машинку догнал бы! А ещё он взлететь может! Тогда он всех врагов догонит.

— А у меня для этого самолёт будет! Вот! — не сдавался Генка.

Только Лёва лежал с закрытыми глазами. Голова кружилась, и к горлу подкатывала тошнота.

«Нет, — думал он, поглаживая свисток под рубашкой, — лучше всего свисток! В следующий раз, когда я увижу самолёты, буду свистеть. Пусть все услышат».

Мальчишки не успели закончить спор, как вновь послышался гул моторов и взрывы. В ответ слышался хлопающий звук зениток с поезда. Как будто на огромного рычащего тигра бросается маленькая смелая собачка, защищая своих малышей.

С каждым новым взрывом дети кричали всё громче. Им казалось, что следующий снаряд попадёт прямо в их вагон.

— Ай, Божечки! Спаси и сохрани! — причитала Нина Васильевна, прикрывая собой ребятишек. — Когда же будет конец этой дороге?

Поезд убежал от войны. Машинист гнал и гнал состав дальше, увозя перепуганных детей.



ПАПА ВЕРНЁТСЯ. ЛЁВА

крепкого здоровья и сил, чтобы бить фашистов.

*Воспитанники детского дома
и наша няня Аля*

Закончив писать, Алевтина ещё раз прочитала письмо.

— Здорово получилось! — зашумели ребята. — А нам ответят? А когда?

— Не знаю, — улыбнулась Алевтина. — Наберёмся терпения и будем ждать.

Только через месяц, когда заморосил холодный осенний дождь, в группу вошла воспитательница с письмом в руке.

— Ну, кому письмо? Кто плясать будет? Нам пришёл ответ с фронта!

Дети радостно запрыгали, изображая танец.

— Читайте, читайте! А потом мы будем ответ писать! И снова писем ждать. И снова писать!

9 сентября 1941 года

Горячий привет от воина-комсомольца!

Меня зовут Николай Зайцев. Вчера после боя к нам приехал почтальон. Это всегда такая радость для бойцов — получить письмо из дома. А мне никто не пишет потому, что я вырос в детском доме и родных у меня нет. И вот почтальон вручил мне ваше письмо. Не представляете, как я обрадовался. Словно вы моя семья, ведь я тоже из Минска. Вы просите рассказать, как мы здесь воюем, как бьём фашистов.

Она достала из сумки горсть мелких флакончиков и большой кусок ваты. Дед повертел в пальцах пузырьёк, посмотрел сквозь него на лампу и сказал:

— Будем делать гирлянду. Только нужно их покрасить.

В новогоднюю ночь в комнате, как символ мирной и счастливой жизни, появилась маленькая живая ель. Её ветки украшали картонные самолёты, танки и пушки, проволочные бабочки и стрекозы, груша, сделанная из раскрашенной перегоревшей лампочки. Но самыми лучшими украшениями были завёрнутые в фольгу орехи, пять конфет и два красных яблока. Ёлку обвивала гирлянда из раскрашенных флакончиков. Снежинки, вырезанные из газеты, были наклеены на окно, а с потолка свисали длинные нити с нанизанными на них кусочками ваты — снежными хлопьями.

— Скорее за стол, — позвала бабушка. — Новый год наступает.

Лёва уселся рядом с мамой и сглотнул слюну. От тарелки с варёной картошкой, политой маслом, поднимался пар. Квашеная капуста в небольшой миске даже на взгляд казалась сочной и хрустящей. Кусочки селедки прятались под колечками репчатого лука. А тонкие прозрачные ломтики сала лежали рядом с единственным солёным огурцом, разрезанным на кружочки.

— Дорогие мои, — обратился к семье дед, — уходит старый год. Проводим его.

— Провалиться бы ему сквозь землю! — в сердцах выпалила бабушка. — И пусть новый год принесёт нам победу.

— И пусть папа вернётся, — добавил Лёва.

СВИСТОК

— Пацаны, есть дело. — Жора склонился к своим приятелям. — Я знаю, где взять хлеб. Айда со мной? — Конечно. — Андрей и Лёва обрадованно закивали. — А куда?

— В магазин привозят и разгружают хлеб. Пока водитель оформляет документы, машину не закрывает, и можно стащить пару буханок.

Лёва смутился.

— Мама меня убьёт, если узнает.

— Ну и иди отсюда, маменькин сынок! А хвастался, что воровал хлеб в детдоме. Тебе хорошо. Вон у вас сколько взрослых работают, карточки получают. А у моей мамки карточки украли. Где продукты взять?

Лёва опустил голову.

— Я пойду, но воровать не буду. Я буду караулить, хорошо?

— Ладно, — согласился Жора. — А ты свистеть умеешь?

— Нет. Но у меня свисток есть.

Утром Лёва дождался, когда бабушка уйдёт в госпиталь, и выскользнул на улицу. Возле продуктового магазина его дожидались Жора и Андрей, которые без зазрения совести прогуливали уроки.

— Машина ещё не приезжала. — Жоркины глаза блестели то ли от голода, то ли от предвкушения. — Она подойдёт к заднему крыльцу. Мы спрячемся за сугробом и будем ждать. А ты, Лёвка, свистни, когда шофёр уйдёт, и мы... Ну-ка, покажь свисток.

Лёва залез рукой за пазуху, нащупал шнурок и потянул за него. Свисток цеплялся за рубашку, словно

чувствовал, что затевается что-то неладное. Наконец мальчик изо всех сил дёрнул за шнурок и с треском вытащил металлический цилиндрок с насечками.

— Верёвка порвалась, — испугался Лёва, разглядывая тонкий шнурок, беспомощно свисавший с колечка на свистке.

— Ерунда, — махнул рукой Андрей. — Дома новую привяжешь. А свисток-то работает?

Лёва слегка дунул в тёплый цилиндрок. Горошина внутри заклокотала, и раздался тихий свист.

— Пойдёт, — удовлетворённо сказал Жорка. — Только ты его держи наготове и погромче свисти, чтобы мы слышали.

Ждать пришлось долго. Мальчишки прыгали, при-топывали и толкались, чтобы согреться. Их щёки покраснели от мороза, а шарфы и шапки вокруг лица побелели. Свисток тоже покрылся инеем. Наконец на дороге показалась хлебовозка. Жора с Андреем шмыгнули за сугроб, а Лёва отошёл к углу дома, чтобы его не сразу заметили.

Машина, переваливаясь на заснеженной дороге, въехала во двор и остановилась. Пожилой шофёр, сильно хромая, поплёлся к магазину.

— Зуля, принимай товар, — грохнул он кулаком в дверь.

Через минуту в приоткрывшейся двери показалась черноглазая продавщица в валенках с калошами, меховом жилете и пёстром платке. Та самая, которая беспощадно гоняла мальчишек, опасаясь, что они могут что-нибудь стащить с прилавка. Лёва огляделся по сторонам и поёжился. Друзья уже сидели в засаде и ждали условного знака.